

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Е. С. Студеникина, М. В. Донцова

Студеникина Елена Станиславовна

Эл. почта: el.studenikina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2203-3423.

Донцова Мария Владимировна

Эл. почта: dontsova_79@list.ru. ORCID 0000-0003-0957-2200.

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. Цель статьи — изучение политики памяти как ресурса развития гражданской идентичности и позитивных образов будущего страны в сознании молодежи Юга России на примере двух важнейших геостратегических зон — Краснодарского края и Республики Крым. Эмпирическую базу исследования составляют результаты фокус-групповых дискуссий, проведенных в Краснодарском крае (2 группы) и Республике Крым (2 группы), в которых приняли участие представители учащейся и работающей молодежи. Результаты проведенного исследования демонстрируют необходимость реализации политики памяти как самостоятельного направления государственной политики, а не фрагментов отдельных нормативных актов. Доминирующим источником информации для современной молодежи является интернет, а значит, установки государственной политики памяти должны транслироваться прежде всего через данный канал. Наиболее сильным интеграционным и мобилизационным потенциалом обладает историческая тематика Великой Отечественной войны. На данный момент наблюдается слабость в развитии гражданской идентичности современной молодежи, в том числе по причине отсутствия политики памяти как целостной системы государственного управления. Восприятие образов будущего России зависит от возраста: молодежь, родившаяся в 1990-е г., видит будущее России более пессимистично, чем те, кто родился в 2000-е гг.

Ключевые слова: политика исторической памяти, гражданская идентичность, молодежь.

Проблема развития гражданской идентичности современной молодежи является на сегодняшний день одной из самых актуальных. Важность формирования гражданской идентичности обусловлена ее наднациональной природой, которая основана на уважении к культуре и традициям различных народов, населяющих многонациональное государство. Ценностная составляющая гражданской идентичности объединяет людей вне зависимости от национальности и вероисповедания. Эмоциональный компонент гражданской идентичности, выражающийся в чувстве гордости за свою страну и свой народ, дает ощущение сопричастности с социумом и важности своего существования. Гражданская идентичность — барьер, препятствующий влиянию националистических идеологий, а способность государства противостоять деструктивным информационным воздействиям является на сегодняшний день в условиях цифровизации и глобализации основой выживания страны. Таким образом, развитие гражданской идентичности — своего рода «вакцинация» против экстремизма и национализма, а также признак сильной государственности. Компонент гражданской идентичности — патриотизм, воспитание которого составляет одну из задач государственной молодежной политики.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31514-опн «Политика памяти как ресурс формирования гражданской идентичности и позитивного образа будущего страны в сознании молодежи Юга России»

Формирование гражданской идентичности — это процесс, подразумевающий определённую ресурсную базу, ключевым элементом которой является информация о прошлом страны и настоящих событиях. Но если настоящее мы можем увидеть непосредственно и сложить свое собственное мнение, то прошлое страны в нашем сознании существует только в виде образов, которые часто сформированы через нарратив, «редактированный» политическим элитам. «Работа над идентификациями и образами часто означает изучение социальных элит, борющихся за навязывание своего мировоззрения более широкому социальному целому» (Avanza, Laferté, 2005). В современной ситуации в России и мире, государственная политика памяти выступает как защитный инструмент, реакция на внешнеполитические риски: «актуализированным в последние годы становится противостояние Западного мира и России, порождающее новые мемориальные войны и радикализирующее отдельные символы и участки исторической памяти» (Беляев, 2016). В настоящее время наблюдается информационная борьба, проявляющаяся в переписывании истории, иной интерпретации исторических фактов, что создает настоящую путаницу в сознании молодежи, которая имеет доступ к разным источникам информации. В этих условиях крайне важным становится конструирование реально действующей системы государственных мер по сохранению исторической памяти и недопущению «переписывания истории» в угоду политическим элитам. Данная система является основой гражданского общества и неотъемлемой частью системы информационной безопасности страны. Государство, таким образом, выступает ключевым актором политики памяти.

Научная разработанность темы

Проблема исторической памяти российской молодежи в современных общественно-политических науках представлена большим количеством работ. Среди них особого внимания заслуживает комплексное исследование Л. Д. Гудкова, Б. В. Дубина и Н. А. Зорской (2011), где был проведен анализ состояния исторической памяти молодежи, время социализации которой пришлось на первое десятилетие XXI в. В результате социологи описали портрет молодого человека, характеризующегося «асимболией» — утратой способности помнить образы. Дело в том, что молодежь осознает свою государственно-национальную идентичность, однако затрудняется в ориентации среди исторических эпох и испытывает сложности в получении идентичности меньшего масштаба (за исключением «семьи» и «поколения»). Для поиска иных идентичностей молодежь активнее ищет альтернативные источники, которые дают иные образы прошлого (Гудков, Дубин, Зорская, 2011).

Другое масштабное исследование под руководством М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги выявляет не столько состояние, сколько структуру исторической памяти современной молодежи. Согласно позиции авторов, память молодежи (любого временного периода) состоит из «отдаленного» и «ближнего» элементов. Первый является продуктом идеологической работы со стороны власти, второй — субъективным пережитым опытом, полученным в период социализации личности (Горшков, Шереги, 2020). Для целостности исторической памяти необходимо, чтобы «отдаленный» и «ближний» элементы совпадали. Такой точкой консенсуса является тема Великой Отечественной войны: именно в ней исторический нарратив сочетается с «ближним» элементом — семейной историей — и выстраивается

связь «государство — семья — личность», конституирующая общегосударственную идентичность. Однако современные отечественные исследования показывают, что устойчивость конструкта Великой Отечественной войны в исторической памяти молодежи сегодня находится в состоянии риска под натиском виртуальных интернет-ресурсов (Устрикин, Морозова, Куконков, 2020; Широкалова, 2020). В итоге «меморативный» портрет нынешней российской молодежи получается следующим: она имеет размытую историческую память и, следовательно, неустойчивую идентичность, причиной чего служит несовпадение официального исторического нарратива с повседневным «жизненным миром» молодого человека, формируемого «неофициальными» каналами информации.

Среди новейших отечественных исследований идентичности для данного исследования представляют ценность труды (Арутюнян, 2014; Дробижева, 2018, 2019), в которых гражданская идентичность рассматривается как фактор межэтнического согласия в полиэтничном социуме. В ряде работ (Кравченко, 2016; Сулима, 2017) гражданская идентичность также определяется как важный ресурс для консолидации российского общества: подчеркивается, что деконструкция гражданской идентичности — вызов, с которым сегодня сталкивается Россия в условиях глобализации. Тем самым возникает потребность в построении устойчивой гражданской идентичности для стабильного сосуществования и позитивного взаимодействия различных этнических групп в рамках единой страны.

Несмотря на то, что проблематика политики памяти и конструирования идентичности Юга России актуализируется в научном дискурсе, молодежь как носитель исторических образов и как объект политики памяти в исследованиях практически не представлена. Попытка исследования исторической памяти современной молодежи в Краснодарском крае была совершена И. В. Ребровой. Изучая студентов г. Краснодара, она отмечает превалирование «ближнего» элемента исторической памяти, поскольку молодых людей, участвовавших во встречах с ветеранами Великой Отечественной войны, больше интересовал личный военный опыт, нежели официальный нарратив, состоящий из фактов и событий (Реброва, 2010). Другая практика изучения исторической памяти молодых людей представлена А. А. Кочергиным, который рассматривает распространение местными элитами регионального исторического нарратива через введение учебного курса по истории кубанского казачества в общеобразовательных школах (Кочергин, 2020). На наш взгляд, этот подход к изучению темы имеет право на существование, поскольку казачество является «региональным брендом» современного Краснодарского края, оно как самостоятельный актор сегодня вписывается в официальный исторический нарратив (в учебники и учебные программы) и транслируется учащимся.

Крым также стал актуальным предметом изучения в отечественной науке. Исследования подчеркивают, что особенность Крыма — доминанта региональной идентичности. Больше всего восприятие жителями региона своего особого статуса наблюдается среди населения, которое длительное время проживает на территории полуострова (Князева, 2017; Задорин, 2018). Однако историческая память крымской молодежи характеризуется неустойчивостью. Крымские исследователи В. А. Чигрин и В. В. Харабуга называют ее «лабильной», включающей смесь различных менталитетов, исходящих от множества этносов (Чигрин, Харабуга, 2015). Несмотря на то, что в регионе укрепляется общегосударственная (российская) идентичность, все-таки нынешняя молодежь, чья социализация пришлась

на время до «крымской весны», имеет ностальгические воспоминания об Украине (Горшков, 2018).

Проблема формирования гражданской идентичности молодежи актуальна не только для нашей страны. Сравнивая политику патриотического воспитания студентов в США и Китае, Л. В. Федорченко (Федорченко, 2019) отмечает, что в этих странах государство активно формирует патриотическую политику и использует для этого в высших учебных заведениях современные технологии. Академическая сфера в США более автономна, чем в Китае, однако через пропаганду основных государственных символов, формирование положительного отношения к армии и военнослужащим, вовлечение молодёжи в разнообразные военно-патриотические общества, мероприятия, проводимые студенческими братствами и ветеранскими организациями, пропаганду через кинематограф, анимационную продукцию, комиксы и компьютерные игры идет формирование патриотических ценностей и настроений. В Китае патриотическим воспитанием студентов занимается в первую очередь Коммунистическая партия и комсомол, кроме того, существуют специальные образовательные центры патриотического воспитания. К конкретным технологиям можно отнести: мероприятия, приуроченные к государственным праздникам, исторические реконструкции, введение в университетах специальных предметов по выбору, а также управление политической и общественной повесткой через социальные сети (цензура, продвижение патриотических ценностей через национальную поисковую систему и онлайн-энциклопедии и т.д.).

Методологические основания и методы исследования

Исследование носит междисциплинарный характер и находится на стыке социологии и политологии. Методологической основой данного исследования служит герменевтический подход Поля Рикёра (Рикёр, 2008), объясняющий взаимосвязь символов и текстов с социальным окружением человека. В данной теории применительно к исследованиям процесса экстраполяции исторической памяти в образах будущего особый интерес представляет идея конфликтующих интерпретаций и парадигмы текста, которая выступает образцом присвоения определённых смыслов, удаленных от нас во времени.

Методологическую ценность для нашего исследования представляют идеи Зигмунта Баумана, который связывает исторический нарратив с развитием идентичности. «Потребность в сильной и подвижной идентичности возникает, когда ослабевает ощущение принадлежности» (Бауман, 2019). З. Бауман подчеркивает, что направленность идентичности четко связана с историческим нарративом, который человек либо принимает (становится его частью), либо критикует, тем самым подчеркивая свою индивидуальность. Индивидуализм проявляется в случае нестабильности страны.

Также существенный интерес представляет для нас исследования Ю. М. Тарадиной (2010). Опросив студентов Санкт-Петербурга с использованием опросника временной перспективы Ф. Зимбардо, автор выделяет несколько типов временной ориентации, распространенные среди российской молодежи.

Ориентация на позитивное прошлое (чем сильнее выражена эта ориентация, тем более позитивно воспринимается студентами образ России: они гордятся российским гражданством ($r = 0,26$; $p < 0,05$), не считают Россию экономически

отсталой страной ($r = 0,24$; $p < 0,05$), категорически не согласны с определением России как поставщика природных и людских ресурсов ($r = 0,24$; $p < 0,05$).

Ориентация на гедонистическое настоящее (главной задачей государства видят повышение благосостояния граждан ($r = 0,26$; $p < 0,05$), пессимистично оценивают борьбу с коррупцией в стране, считают предпринимаемые меры неэффективными ($r = 0,23$; $p < 0,05$)).

Ориентация на будущее (поддерживают рекламу здорового образа жизни ($r = 0,29$; $p < 0,05$), склонны выступать за путь постепенных реформ ($r = 0,27$; $p < 0,05$), что может быть объяснено стремлением представителей данной ориентации к стабильности).

Ориентация на фаталистическое настоящее (негативно воспринимают прошлое, политическую ситуацию в стране и ее перспективы, не испытывают гражданской гордости ($r = -0,31$; $p < 0,01$), не верят в возможность преодоления демографического кризиса ($r = -0,29$; $p < 0,05$), отрицательно оценивают уровень российского образования и т.д.).

Ориентация на негативное прошлое (чем сильнее выражена эта ориентация, тем в большей степени образ России на внешнем и внутривнутриполитическом уровне имеет отрицательные черты) (Тарадина, 2010).

В результате автор выделяет два вектора временной перспективы, рассматриваемой как фактор отношения к политике: «позитивное прошлое — будущее» отражает в целом положительные установки испытуемых: студенты достаточно позитивно воспринимают прошлое и настоящее страны, оптимистично оценивают ее перспективы; «негативное прошлое — фаталистическое настоящее» связан с негативными оценками политики и пессимистическими прогнозами. Отдельное положение занимает ориентация на гедонистическое настоящее, связанная со скептическим отношением испытуемых к политике, но позитивным отношением к собственному настоящему. Более выраженными у представителей студенческой молодежи оказались временные ориентации, способствующие позитивной оценке стратегической политики.

В проведенном нами исследовании использовались методы экспресс-опроса и фокус-групповой дискуссии. Метод экспресс-опроса ($n = 35$) применялся для выяснения актуальных источников информации об истории России и событиях настоящего времени. Метод фокус-групп реализован с целью определения представлений молодежи Краснодарского края и Республики Крым о прошлом и будущем России, выявлении направленности социальных идентификаций. Выбор данных регионов обусловлен значимостью их геостратегического положения (выходом к Черному морю и соседством с зонами напряженности), что актуализирует проблему информационных атак, воздействию которых подвергается в первую очередь молодежь. Краснодарский край в ментальном плане — это переплетение разных культур и обычаев, христианского и мусульманского менталитетов, которые так или иначе находят отражение в сознании молодежи. Республика Крым, несмотря на близость к Краснодарскому краю, имеет совершенно иную специфику. В данном регионе не так ярко, как на Кубани, выражен национальный вопрос, но после вхождения Крыма в состав России, регион все еще находится в переходном состоянии, а значит, продолжается борьба различных сил за умы молодежи. В любом случае как для Краснодарского края, так и для Республики Крым проблема кризиса идентичности очень актуальна. Всего было

проведено 4 фокус-группы в Краснодарском крае и Республике Крым. В каждом из регионов одна группа включала в себя представителей учащейся молодежи (учащихся школ, колледжей и вузов, 16–22 года), а вторая — работающую молодежь (21–30 лет).

Информационные ресурсы государственной политики памяти и каналы влияния на сознание молодежи

Для реализации государственной политики памяти могут быть использованы различные каналы: уроки истории в школе и других образовательных учреждениях, государственные акции, связанные с историческими событиями, молодежные движения (особенно, политической направленности), а также посвященные истории материалы в СМИ.

Существенным информационным потенциалом обладают уроки истории в школе, которые позволяют напрямую озвучивать современное официальное видение и оценку различных исторических событий. Безусловно, в этом случае большое значение имеют учебники, используемые образовательным учреждением, и личность самого учителя истории.

Кроме того, официальная политика памяти транслируется через государственные и общественные акции, приуроченные к тем или иным историческим событиям: «Бессмертный полк», реконструкции важнейших для страны битв и т.д.

Так как молодежь является наиболее нестабильной в идеологическом отношении группой, молодежные движения, поддерживаемые государством, также можно считать способом трансляции его идеологии (волонтерское движение, «ЮНАРМИЯ» и т.д.). Определенным ресурсным потенциалом в реализации государственной политики памяти обладают исторические и общественно-политические материалы, опубликованные в СМИ.

Рассмотрим эти каналы влияния и отношение к ним молодежи более детально на примере 4 фокус-групп, проведенных в Краснодарском крае и Республике Крым.

Наши респонденты отмечают, что активно пользовались учебниками в период обучения в школе и вузе, но если у них возникал собственный интерес к каким-то историческим событиям, то обращались к интернету и документальным фильмам. При этом отношение к учебникам (особенно школьным) у молодых людей сложилось неоднозначное: *«учебников существует целое море, и все они написаны по-разному»* (Дмитрий, КК (здесь и далее – Краснодарский край), 4-й курс техникума), *«я очень предвзято могу отнестись к учебникам, потому что особенно в современные учебники запикивают много ненужной информации, но нет информации, которая действительно нужна... у нас половина населения России не знает элементарно, когда началась Первая или Вторая мировая война»* (Дарья, КК, 3-й курс колледжа). Вузовским учебникам респонденты доверяют больше, а некоторые вообще советовали брать старые или зарубежные учебники. В то же время практически все молодые люди подчеркнули важную роль учителя в возникновении интереса к истории страны: *«я заинтересовалась историей на 1-м курсе университета, потому что мне очень повезло с преподавателем»* (Николь, КК, 5-й курс вуза), *«решающий фактор — это сам преподаватель, который преподаёт предмет, потому что от него больше всего зависит, заинтересует ли он людей историей, или же они будут просто сидеть»* (Дмитрий, КК, 4-й курс техникума), *«у нас в школе*

были постоянно походы на 39 батарею, всякие классные часы... благодаря этому у нас все помнили» (Елена, РК (здесь и далее — Республика Крым), Севастополь, 10-й класс), «когда я учился в шараге, после 9 класса, у нас был учитель истории, который много рассказывал, и тогда я уже полюбил новую историю России, начал сам искать литературу» (Ярослав, РК, Севастополь, строитель). Респонденты отмечали, что учителя показывали или рекомендовали им документальные фильмы по истории, книги и интернет-сайты, поддерживая таким образом возникший интерес к событиям прошлого и настоящего. Однако не всем повезло с преподавателями: «учителям в кипе бумажек, к сожалению, не всегда до детей» (Елизавета, КК, Тамань, мл. науч. сотрудник).

Кроме уроков истории официальная политика памяти транслируется через государственные и общественные мероприятия, приуроченные к тем или иным историческим событиям. Респонденты указали такие известные им акции и движения, как «Бессмертный полк», «Вахта памяти», Парад победы, «Свеча памяти», походы в музеи, караулы у Вечного огня и работу в разных городах интерактивного музея «Россия — моя история». Следует отметить, что большинство этих активностей связаны с событиями Великой Отечественной войны. Также были указаны мероприятия, проходящие в конкретных городах: «в Севастополе ещё есть день военно-морского флота, он всегда у нас хорошо празднуется» (Анна, РК, работник ЖКХ, 28 лет). В целом молодые люди выразили свое положительное отношение к названным акциям, высказавшись лишь против принудительного участия в них: «патриотизм должен быть вещью добровольной» (Владимир, КК, 2-й курс вуза).

Вообще результаты фокус-групповых дискуссий указывают на то, что наиболее сильным интеграционным потенциалом обладает тематика Второй мировой войны. Полученные данные подтверждают тезис о том, что мемориализация и сакрализация войны в массовом сознании стала неотъемлемой и очень важной частью советской, а затем и российской национально-исторической идентичности (Larionov, Novichkov, 2020).

По поводу молодежных движений (особенно политической направленности) мнения респондентов разделились.

О «Юнармии» большинство молодых людей либо не знают, либо слабо представляют смысл ее существования. Работающая молодежь Краснодарского края высказалась категорично против этого движения, назвав его тоталитарным проектом и калькой скаутов. По оценкам учащейся молодежи деятельность «Юнармии» может иметь и положительные, и отрицательные последствия, в зависимости от города и работы конкретных людей. Организации по типу пионерии и комсомола, по мнению опрошенных, современной молодежи тоже не нужны. Учащиеся предположили, что это может заинтересовать подростков, но уже не актуально для них самих. В то же время часть респондентов положительно отозвалась о других формах работы: «любые некоммерческие организации, которые занимаются патриотическим воспитанием молодежи, которые основаны на добровольчестве. Это проведение тех же самых Зарниц, это подготовка к ГТО на базе каких-нибудь детских морских клубов, очень много программ у нас существует в стране» (Владимир, КК, 2-й курс вуза). «На самом деле, у нас есть одна очень классная вещь, которая классно действует на школьников и на студентов, связанная с патриотическим воспитанием. Это РСО и Российское движение школьников (РДШ). Идея классная хотя бы по-

тому, что люди там понимают, зачем они пришли, почему они пришли и каким-то образом таким воспитываются. Но, к сожалению, опять же, не всегда она правильно реализуется. А сама идея патриотического воспитания через вот такие вещи — это безумно крутая идея» (Елизавета, КК, мл. науч. сотрудник).

Определенным ресурсным потенциалом в реализации государственной политики памяти обладают исторические и общественно-политические материалы, опубликованные в СМИ. Среди источников информации, которые они используют для знакомства с прошлым и настоящим страны, молодые люди назвали Википедию (заявив, что доверяют ей на 80–95%), документальные фильмы (в частности, производства StarMedia), ютуб-каналы (например, «История России», блог Клима Жукова и др.), различные сайты, художественные фильмы, ВКонтакте, Телеграм-каналы, исторические сериалы. Причем телевизионные передачи и фильмы чаще указывали работающие молодые люди, а у учащихся уверенно лидирует интернет (новостные ленты и социальные сети).

Наши респонденты отлично осознают, что информация в интернете может быть недостоверной, поэтому некоторые рационально рекомендуют обращаться к официальным сайтам конкретных организаций или платформам типа Киберленинки, а также книгам: «Правдивого источника информации не существует. Где-то одно приукрашено, где-то другое. Нужно просто прочитать множество статей и сделать свой вывод о том или ином событии» (Елена, РК, Севастополь, 10-й класс), «сейчас все говорят, что самое непредвзятое — это интернет, но я скажу правду, что самое непредвзятое — это всякие энциклопедии, которые были написаны во время самого события» (Вадим, КК, 3-й курс техникума).

Для получения информации о современных событиях и работающая, и учащаяся молодежь предпочитает использовать интернет (новостные ленты, «Медуза», РБК, Телеграм-каналы) особо подчеркивая влияние блогеров: «YouTube и блогеры — погода в этом плане, как бы максимум преподносят» (Ярослав, РК, Севастополь, строитель).

Вопрос доверия к информации вообще достаточно острый. Отмечая, что учебники часто переписывают, а в интернете писать об истории может любой человек, респонденты предлагают ориентироваться на энциклопедии и мнение экспертов: «Я думаю, что самая достоверная информация именно в книгах, возможно, в учебниках и в Википедии. Или, может быть, у людей, которые знают историю, допустим, у учителей, профессоров, как-то так» (Елизавета, КК, 11-й класс). Безусловное доверие вызывают лишь рассказы членов семьи: «ничего не может быть правдивее, чем рассказы наших предков ну, в моём случае это бабушки и прабабушки» (Ксения, РК, Симферополь, студентка вуза), «я узнавал многое от бабушки, у меня бабушка — ребёнок войны, и нам много принесло общение с ней про её детство и тому подобное» (Ярослав, РК, Севастополь, строитель).

Следует признать, что никакие официальные каналы информации не вызывают у современной молодежи безусловного доверия, однако и государство не использует в полной мере возможности влияния на молодое поколение. Учитывая интерес молодых людей к документальным фильмам и блогам по истории, следовало бы делать больше ярких программ именно в таких форматах.

В то же время большая часть наших респондентов поддержала необходимость формирования и трансляции государственной политики памяти: «я считаю, что стране нужна политика памяти, потому что это очень интересно — узнавать

Таблица. Источники информации о прошлом и настоящем России, популярные среди молодежи

Table. Sources of information on the past and present of Russia popular among young people

Источники информации о прошлом	Источники информации о настоящем
Википедия	Подкаст «TED Talks»
YouTube канал «Другая история»	Подкаст «Политический дневник»
TikTok о истории «History.rus»	Информационный портал LIFE.RU,
YouTube-канал «История России для чайников»	Группа ВКонтakte «Лентач»
Портал «История.РФ»	Lenta.ru.
YouTube-канал «История»	РИА новости
Сайт istoriarusi.ru	bloknot.ru
Краткая история (YouTube канал).	Meduza.io ²
История. Интересно! (YouTube канал)	Телеграм-канал «Медуза»
@donstnikoi (TikTok аккаунт)	Россия 24 (YouTube-канал)
Эпичная История (канал на YouTube)	РБК
Проект 1917	RT на Русском
Имена Победы	Яндекс.Новости
ПостНаука	Гугл новости,
Сайт Государственного исторического музея	Радио «Эхо Москвы»
History Lab (канал на YouTube, Яндекс.	Википедия
Дзен	Культура.рф
Cyberlenika	Коммерсант
Официальные YouTube-каналы университетов России	Группа «Рифмы и панчи» ВКонтakte

о том, что было в прошлом, и нужно помнить, это реально помогает нам двигаться в будущее, и знания о прошлом строят будущее. И одновременно ошибки прошлого помогают нам делать, точнее, их не делать в будущем, и в стране развиваться» (Елена, РК, Севастополь, 10-й класс).

Результаты экспресс-опроса об актуальных источниках информации для молодежи подтверждают данные фокус-групп. Наиболее популярным источником информации по истории России является Википедия, информации в которой студенты доверяют в достаточной мере. На втором месте различные YouTube-каналы. Значительной популярностью у молодежи пользуется канал «Медуза» (Meduza.io), который 23 апреля 2021 г. Министерством юстиции РФ внесен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента как юридическое лицо, зарегистрированное в Латвийской Республике, SIA «Medusa Project» (см. таблицу). Указанные в таблице источники изобилуют фото- и видеоматериалами, однако крайне мало ссылок на авторитетные источники. Следует также отметить популярность канала «История.рф», который считается государственным порталом об истории России и считается проверенным источником. Никто из респондентов не назвал учебник как канал получения информации об истории России.

² Министерством юстиции РФ внесен в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

Полученные данные наглядно демонстрируют влияние интернет-источников на сознание молодежи. Факт доминирования интернета как основного источника информации об истории России для молодежи вызывает тревогу. А. А. Бесчасная (2015) по итогам опроса студенческой молодежи в 2015 г. отмечает противоречивость и непоследовательность суждений респондентов, что она объясняет их возрастом и фрагментарностью интернета как основного источника информации. Среди важных для себя ценностей студенты выделили семью и здоровье, наименьшее количество баллов они отдали власти. В то же время большинство опрошенных заявили, что интересуются политикой, но лишь 2% активно участвуют в политической деятельности. Вместе с тем, по мнению автора, у современного молодого поколения достаточно высок потенциал «разочарованности», уже сформирована некоторая доля скепсиса и недоверия. Причина такого положения вещей обусловлена в том числе тем, что государственная политика памяти не конкретизируется документально; ее положения фрагментарно интегрируются в различные документы, например, в Стратегию национальной политики или Государственные программы патриотического воспитания (2006–2010, 2011–2015, 2016–2020 гг.). Конкретные действия по реализации политики памяти не прописаны, т.е. на данный момент единая стратегия реализации государственной политики памяти фактически отсутствует, что формирует определённые социальные риски. «Риск в данном случае связан с противоречиями реализации политики памяти, слабо интегрированной в современную молодежную, культурную и образовательную политики» (Беляев, 2016).

Тип идентичности и образы будущего России в сознании молодежи

Общественно-политические науки не оставляют без внимания описание образа будущего современной России. Отмечается, что пессимистичные взгляды на будущее страны могут демонстрировать высокую напряженность политических и социальных сил, низкую групповую сплоченность, неопределенность целей и ориентиров развития всего общества (Нестик, 2014, 2018). Такая неустойчивость государственной идентичности приводит к активизации политики памяти: в исторической памяти происходит процесс поиска значимых событий, имеющих консолидирующий потенциал, способных стабилизировать идентичность и определить общий образ будущего (Рягузова, 2019). В современной России растет риск неустойчивости гражданской идентичности: на политическую арену вступает новое поколение, контуры образа будущего которого складываются не столько под влиянием правящей элиты, сколько под воздействием альтернативных каналов (глобального интернета, социальных сетей, опыта старших поколений). В результате сегодня-завтра может появиться электорат, предлагающий иные представления о будущем России, отвергающий гражданскую идентичность, что способно стать существенной проблемой для власти уже в близкой перспективе (Комаровский, 2020).

Индикатором определения контуров идентичности выступает образ будущего как ожидание и предвосхищение последующего состояния социальной группы. Оптимистический взгляд на будущее характеризует нормальное самочувствие общества и наличие в нем позитивной идентичности. В то время как пессимистичные представления о горизонте ожиданий, окрашенные в мрачные тона, отражают наличие в настоящем «кризиса идентичности» (Polak, 1973).

По сравнению с данными, полученными Ю. М. Тарандиной (2010), спустя 10 лет по результатам фокус-групп наблюдается иная картина. Так, в упомянутом исследовании ориентация на негативное прошлое более выражена у младших студентов по сравнению со старшими. А чем старше студенты, тем менее они склонны ориентироваться на гедонистическое настоящее. Проведенные нами фокус-группы показывают, что студенческая молодежь в возрасте 16–22 года имеет более позитивное видение будущего России (например, «Я думаю, что должен быть подъём, должны быть изменения, должна быть реформация. Я думаю, что так оно будет, Россию должно ждать светлое будущее» (Николь, КК, 22 года, студентка)) по сравнению с работающей молодежью (21–30 лет) (например, «...не знаю, мрачное, с тем, что сейчас происходит, не знаю, каким будет будущее. Ждём, пока будет, пока власти перестанут воровать» (Александр, РК, 22 года, слесарь)). Причем данные не различаются в региональном разрезе.

Результаты фокус-групп вынуждают согласиться с мнением, что у современной молодежи проявляется «слабость, недостаточность интенсивности общегражданской идентичности, во многом все еще носящей формальный характер» (Коряковцева, 2013). В настоящий момент можно констатировать факт, что у молодежи доминирует неопределенность идентичности, выражена глобальная идентичность: «я — человек мира», «я — личность», «я человек, который сам себя строит и сам решает всё». Гражданская идентичность в большей степени оказалась выражена у молодежи Краснодарского края: «Пока россиянин по гражданству, но тоже хотел бы быть человеком мира» (Максим, 24 года, КК, менеджер); «я всё же отделюсь от мнения предыдущих участников, я всё-таки считаю себя русской, гражданкой, и особого желания переезжать куда-либо за границу, у меня нет» (Мария, 17 лет, КК, студентка).

По результатам фокус-групп представления о будущем России, которые были высказаны участниками ФГ, можно условно подразделить на следующие формальные категории:

1) *оптимистичное будущее* (динамичное развитие, надежды, перспективы, подъем, изменения к лучшему) («у России есть надежда, у России есть все перспективы», «должен быть подъём, должны быть изменения, должна быть реформация», «...Россия будет развиваться дальше в технологическом плане, но при этом, сохранить свою духовность и уникальность», «если Россия воспользуется большинством возможностей, которые у неё сейчас есть, то, скорее всего, да, будет подъём, будет всё лучше намного, чем сейчас» и т.п.);

2) *неопределенное будущее* (зависит от того, как решатся проблемы настоящего) («вижу всё в таких полусерых красках. Потому что тот багаж проблем, который мы накопили за эти десятилетия, за три десятка, их, конечно, придётся расхлёбывать очень долгое время, ещё будущим руководителям государства. И то, что однозначно будет преследовать ещё длительное время — это точно демографические проблемы», «несомненно, коррупция ненужная»);

3) *пессимистичное будущее* («а для России, скорее всего, она порубится на огромное количество мелких государств, которые начнут между собой ругаться», «... если брать то, что сейчас происходит, ни к чему хорошему ничего не идёт, если уж так серьёзно говорить», «мне кажется, при моей жизни, мало что изменится, такая же будет инфраструктура в городах никакая, столько же и останется жуликов если не больше станет»).

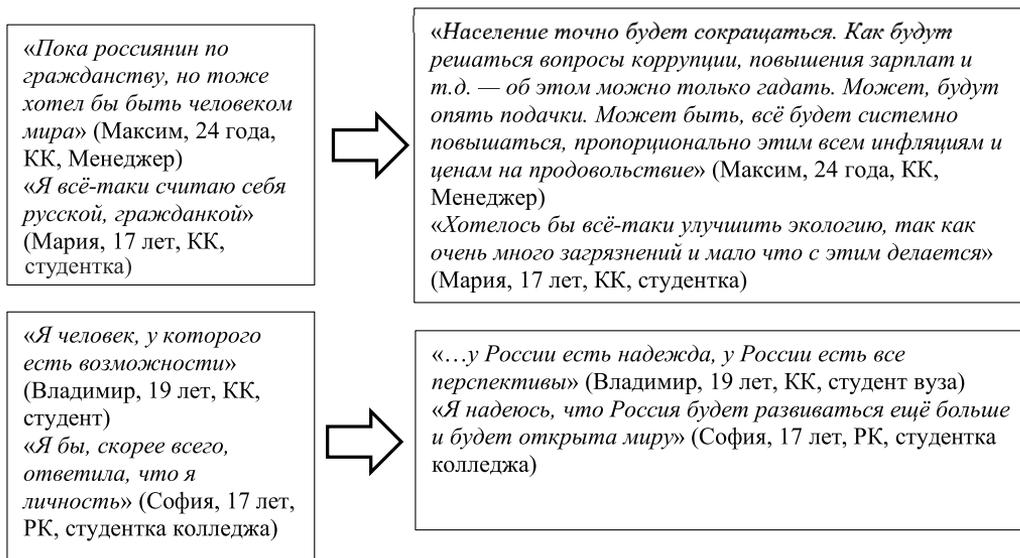

Рис 1. Ответы респондентов на вопросы «Кто вы?», «Кем Вы себя ощущаете?» и «Каким Вы видите будущее России?»

Fig. 1. Respondents' answers to the question about "Who are you?", «What do you feel you are?» and «How do you see the future of Russia?»

Образы будущего коррелируют с направленностью социальной идентичности. Так, позитивный образ будущего России в наибольшей степени демонстрировали респонденты, предпочитающие не идентифицировать себя с какой-либо группой или общностью. Неопределенность будущего присутствует в представлениях респондентов с гражданской идентичностью. Для них будущее — это решение конкретных проблем в настоящем. Видение будущего в пессимистичных тонах нельзя связать с конкретной идентичностью. Здесь в большей степени проявляется влияние возраста. Для демонстрации данной зависимости представим некоторые кейсы. Рисунок наглядно демонстрирует связь идентификационных установок и восприятия будущего России.

Полученные нами данные пересекаются с результатами исследования М. М. Федоровой и А. П. Романовой, в котором методом глубинного интервью изучались особенности исторической памяти поколения цифровой эпохи ($n = 30$, г. Астрахань, г. Москва). Несмотря на разницу в методах и выборке, в целом можно отметить совпадение в выводах в части видения молодежью будущего России: «Лишь менее одной трети респондентов (преимущественно самая молодая часть опрошенных) питают светлые и оптимистические чувства в отношении будущего и их надежда на прогрессивный вариант развития связана как раз с цифровизацией» (Федорова, Романова, 2020). В нашем исследовании также позитивное будущее наблюдается в представлениях самой молодой части опрошенных вне зависимости от региона. В доказательство данного заключения приведем цитаты респондентов ФГ: «Если Россия воспользуется большинством возможностей, которые у неё сейчас есть, то, скорее всего, да, будет подъём, будет всё лучше намного, чем сейчас» (Владимир, 19 лет, КК, студент вуза); «как по мне, Россия будущего — это

очень дружелюбное место... роботы, конечно, должны заменить некоторые опасные для жизни профессии, но и в то же время должны оставаться профессии для людей» (Елена, 16 лет, РК, школьница).

Выводы

Мнения респондентов о будущем России можно условно разделить на оптимистические, неопределенные и пессимистические. Позитивный образ будущего страны преимущественно демонстрировала учащаяся молодежь, предпочитающая не идентифицировать себя с какой-либо группой или общностью. Неопределенность будущего коррелирует с гражданской идентичностью, а пессимистичные прогнозы чаще дают представители работающей молодежи (самые старшие и имеющие опыт самостоятельной «взрослой» жизни). В отличие от возрастных особенностей, влияния региона проживания на представления о будущем страны обнаружено не было.

В условиях скептического отношения молодежи к учебникам истории и официальным каналам информации особую роль сегодня играет учитель истории — человек, от личностных и профессиональных качеств которого зависит интерес и доверие молодых людей, формирование их гражданской идентичности. Различные государственные и общественные акции, связанные с историческими событиями в целом позитивно воспринимаются молодежью. Однако участвовать в различных патриотических и политических объединениях на постоянной основе большинство молодых людей не готово. Основной проблемой проводимых мероприятий респонденты считают принудительность участия в них, в то время как содержание и идеи, как правило, не вызывают неприятия. Кроме того, молодежь согласна с необходимостью осуществления государственной политики памяти.

Наиболее сильным интеграционным и мобилизационным потенциалом обладает тематика Великой Отечественной войны. Образы, относящиеся к данному историческому времени, разделяются и поддерживаются современной молодежью вне зависимости от возраста и направленности социальной идентичности. Было выявлено еще несколько потенциально объединяющих идей, которые пока недостаточно используются государством для формирования позитивной гражданской идентичности: спортивные победы и достижения в науке и технике.

В целом проведенное исследование подтверждает тезис о том, что необходимо дальнейшее участие государства в процессе формирования гражданской идентичности молодежи. В частности, разработка Государственной политики памяти как элемента системы государственной безопасности, а не фрагмента отдельных направлений политики. Государственная позиция должна быть выражена в конкретных документах, имеющих четкую связь с молодежной, национальной политикой, Стратегией информационной безопасности, программами воспитания (в том числе патриотического) и других документах.

Ресурсной базой государственной политики памяти должна стать информация в интернете — доминирующем канале коммуникации для современной молодежи.

Библиографический список

- Бауман, З, Донскис, Л. (2019). *Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив*. СПб: Издательство Ивана Лимбаха.
- Беляев, Е. В., Линченко, А. А. (2016). Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия.

- Studia Humanitatis*, 2. Режим доступа <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aag-sudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>.
- Бесчасная, А. А. (2015). Политические установки рожденных в «пост-СССР»: политика глазами студентов. *Общество. Среда. Развитие*, 1, 60–66.
- Горшков, М. К. (2018). Воссоединение Крыма с Россией: социально-исторические, политические и социокультурные предпосылки. *Социологическая наука и социальная практика*, 6(2), 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5853>.
- Горшков, М. К., Шереги, Ф. Э. (2020). *Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований*. Москва, ФНИСЦ РАН.
- Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В., Зорская, Н. А. (2011). *Молодежь России*. Москва: Московская школа политических исследований.
- Дробижина, Л. М. (2018). Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации полиэтничного общества. В В. А. Тишков (ред.) *Этническое и религиозное многообразие России* (с. 107–119). Москва, ИЭА РАН.
- Дробижина, Л. М. (2018). Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях. *Перспективы. Электронный журнал*, 3(15), 6–21.
- Дробижина, Л. М. (2019). Консолидационный ресурс общероссийской гражданской идентичности. В Г. В. Бузова, Л. Д. Чанглян, С. А. Орешин (ред.) *Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России* (с. 30–40). Москва, ГБУ «МДН».
- Задорин, И. В. (2018). Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости». *Полития*, 2(89), 102–136.
- Князева, Е. В. (2017). Структура крымской идентичности: опыт применения бинарной логистической регрессии для построения идентификационных моделей крымчан (на материалах исследования «Открытое мнение — Крым 2016»). *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2, 12–16.
- Коряковцева, О. А. (2015). Молодежь как носитель гражданственности и ее роль в современной России. *Международный научно-исследовательский журнал*, 9(16), 49–50. Режим доступа <https://research-journal.org/politology/molodezh-kak-nositel-grazhdanstvennosti-i-ee-rol-v-sovremennoj-rossii>.
- Кочергин, А. А. (2020). Великая Отечественная война в учебниках по истории кубанского казачества. В Г. Г. Матишов (ред.) *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Ростов-на-Дону, 10–11 сентября 2020 г.)* (с. 581–582). Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН.
- Кравченко, Н. Ю. (2016). Гражданская идентичность современной России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 16(1), 5–8.
- Комаровский, В. С. (2020). Образ желаемого будущего России: проблемы формирования. *Власть*, 28(1), 45–50.
- Нестик, Т. А. (2014). Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования. *Вопросы психологии*, 1, 2–10.
- Нестик, Т. А., Ролдугина, В. Н. (2018). Образ будущего России у представителей поколения Z. *Человек и мир*, 2(2), 75–87.
- Реброва, И. В. (2010). Связь поколений: Великая Отечественная война глазами «детей войны» и ее восприятие современной молодежью. В А. Ю. Рожков (ред.) *Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сборник научных статей* (с. 248–264). Краснодар: Экоинвест.
- Рягузова, Е. В. (2019). Коллективная память и инстанции темпоральности. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 8(2), 139–145.

- Рикёр, П. (2008). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Москва: Академический Проект.
- Романова, А. П., Федорова, М. М. (2020). Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 11, Выпуск 9(95). Режим доступа <https://history.jes.su/s207987840012223-4-1>. DOI: 10.18254/S207987840012223-4
- Сулима, Е. Н. (2017). Гражданская идентичность как ресурс государства. *Ценности и смыслы*, 3(49), 8–17.
- Тарадина, Ю. М. (2010). Временные ориентации как фактор отношения студентов к стратегической политике России. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 125, 98–103.
- Чигрин, В. А., Харабуга, В. В. (2015). Ситуация в Крыму и формирование исторической памяти общества. *Вестник Института социологии*, 15, 23–34.
- Устинкин, С. В., Морозова Н. М., Куконков П. И. (2020). Память учащейся молодежи о Великой Отечественной войне: общее и особенное. В М. К. Горшков (ред.) *Россия реформирующаяся: ежегодник: выпуск 18* (с. 299–330). Москва: Новый Хронограф.
- Федорченко, Л. В. (2019). Политика патриотического воспитания студентов в США и Китае. Сравнительный анализ. *Обозреватель*, 5, 82–90.
- Avanza, M. & Laferté, G. (2005). Dépasser la « construction des identités »? Identification, image sociale, appartenance. *Genèses*, 61, 134–152. DOI:10.3917/gen.061.0134
- Larionov, A. E., Novichkov, A. V. (2020). Monumental practices of perpetuating the memory of the great Patriotic war in Crimea. *Dialog so Vremenem*, 72, 292–309. DOI:10.21267/AQUILO.2020.72.72.019
- Polak F. (1973). *The Image of the Future*. Amsterdam; London; New York.

Статья поступила в редакцию 15.08.2021

Статья принята к публикации 22.09.2021

Для цитирования: Студеникина Е. С., Донцова М. В. Государственная политика памяти как ресурс развития и укрепления гражданской идентичности современной молодежи. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 3. С. 43–60.

PUBLIC MEMORY POLICY AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT AND STRENGTHENING OF THE CIVIC IDENTITY OF MODERN YOUTH

E. S. Studenikina, M. V. Dontsova

Elena S. Studenikina

E-mail: el.studenikina@yandex.ru. ORCID 0000-0002-2203-3423.

Maria V. Dontsova

E-mail: dontsova_79@list.ru. ORCID 0000-0003-0957-2200.

Kuban State University, Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of RFFR and EISR within the framework of the scientific project 21-011-31514-op “Politics of memory as a resource for the formation of civic identity and positive image of the future of the country in the consciousness of the youth of South Russia”.

Abstract. The purpose of the article is defined as the study of the policy of memory as a resource for the development of civil identity and positive images of the future of the country in the consciousness of the youth of the South of Russia, using the two most important geo-strategic zones – Krasnodar Territory and the Republic of Crimea. The empirical basis of the research is the results of focus group discussions held in Krasnodar Krai (2 groups) and the Republic of Crimea (2 groups), in which representatives of students and working youth partic-

ipated. The results of the study demonstrate the need to implement the policy of memory as an independent State policy and not as fragments of individual normative acts. The Internet is the dominant source of information for today's youth, which means that public policies guidance on memory should be broadcast primarily through this channel. The most powerful integration and mobilization potential is the historical theme of the Great Patriotic War. At present, the development of civic identity of today's youth is lagging behind, including the absence of a policy of memory as a coherent system of public administration. Perceptions of Russia's future depend on age: young people born in the 1990s see the future of our country more pessimistically than those born in the 2000s.

Keywords: politics of historical memory, civic identity, youth.

DOI 10.31429/26190567-22-3-43-60

References

- Avanza, M. & Laferté, G. (2005). Dépasser la "Construction des identités"? Identification, image sociale, appartenance. *Genèses*, 61, 134–152. DOI: 10.3917/gen.061.0134
- Bauman, Z., Donskis, L. (2019). *Tekuchee zlo: zhizn' v mire, gde net al'ternativ* [Fluid Evil: Life in a World Where there are no Alternatives]. SPb, Izdatel'stvo Ivana Limbaha.
- Belyaev, E. V., Linchenko A. A. (2016). Gosudarstvennaya politika pamyati i tsennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoy Rossii: problemy i protivorechiya [State Politics of Memory and The Values of The Mass Historical Consciousness in Modern Russia: Issues And Contradictions]. *Studia Humanitatis* [Studia Humanitatis], 2, Retrieved from <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>.
- Beschasnaya, A. A. (2015). Politicheskie ustanovki rozhdennykh v "post-SSSR": politika glazami studentov [Political Orientation of Citizens Born in "Post-Soviet" Period: Politics Through the Eyes of Students]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 1, 60–66.
- Chigrin, V. A., Harabuga V. V. (2015). Situatsiya v Krymu i formirovaniye istoricheskoy pamyati obshchestva [Crimean Events and The Development of Society's Historical Memory]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 15, 23–34.
- Drobizheva, L. M. (2019). Konsolidatsionnyy resurs obshcherossiyskoy grazhdanskoy identichnosti [Consolidation resource of the All-Russian Civic Identity]. In G. V. Burova, L. D. Changlyan, S. A. Oreshin (Eds) *Realizatsiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki: opyt goroda Moskvy i regionov Rossii* [Implementation of the State National Policy: The Experience of the City of Moscow and the Regions of Russia] (pp. 30–40). Moscow, GBU "MDN".
- Drobizheva, L. M. (2018). Grazhdanskaya rossiyskaya identichnost': dinamika i potencial v konsolidatsii politetnicheskogo obshchestva [Civic Russian Identity: The Dynamics and Potential for Consolidating a Multi-ethnic Society]. In V. A. Tishkov (Ed.) *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious diversity of Russia] (pp. 107–119). Moscow, IEA RAS.
- Drobizheva, L. M. (2018). Konsolidiruyushchaya identichnost' v obshcherossiyskom, regional'nom i etnicheskom izmereniyah [All-Russian, Regional and Ethnic Dimensions of Consolidating Identity]. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Perspectives and Prospects], 3(15), 6–21.
- Fedorchenko, L. V. (2019). Politika patrioticheskogo vospitaniya studentov v SSHA i Kitae. Sravnitel'nyy analiz [The Policy of Patriotic Education of Students in the USA and China: Comparative Analysis]. *Obozrevatel'* [The Observer], 5, 82–90.
- Gorshkov, M. K. (2018) Vossoedinenie Kryma s Rossiey: social'no-istoricheskie, politicheskie i sotsiologicheskie predposylki [Reunification of Crimea with Russia: Socio-Historical, Political and Socio-Cultural Background]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociologicheskaya Nauka i Social'naya Praktika], 6(2), 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.2.5853>
- Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2020). *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnikh issledovaniy* [Youth of Russia in the Mirror of Sociology. To the Results of Many Years of Research]. Moscow, FNIS RAS.

- Gudkov, L. D., Dubin B. V., Zorskaya N. A. (2011). *Molodezh' Rossii* [Youth of Russia]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- Knyazeva, E. V. (2017). Struktura krymskoy identichnosti: opyt primeneniya binarnoy logisticheskoy regressii dlya postroeniya identifikatsionnykh modeley krymchan (na materialakh issledovaniya "Otkrytoe mnenie — Krym 2016") [Structure of Crimean Identity: Experience in the Use of Binary Logistic Regression to Construct Crimean Identification Models (on the "Open Opinion — Crimea 2016" study)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], 2, 12–16.
- Kochergin, A. A. (2020). Velikaya Otechestvennaya vojna v uchebnikakh po istorii kubanskogo kazachestva [The Great Patriotic War in textbooks on the history of the Kuban Cossacks]. In G. G. Matishov (Ed.) *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvolyy. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne (g. Rostov-na-Donu, 10–11 sentyabrya, 2020)* [The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, Participants, Symbols: Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Great Patriotic War (Rostov-on-Don, 10–11 September 2020)] (pp. 581–582). Rostov-on-Don, YUNC RAS.
- Komarovskiy, V. S. (2020). Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: problemy formirovaniya [The Image of the Desired Future of Russia: Problems of Formation]. *Vlast'* [Power], 28(1), 45–50.
- Koryakovceva, O. A. (2013). Molodezh' kak nositel' grazhdanstvennosti i ee rol' v sovremennoy Rossii [The Youth as Citizenship Bearer and It's Role in Contemporary Russia]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 9(16), 49–50.
- Kravchenko, N. Yu. (2016). Grazhdanskaya identichnost' sovremennoy Rossii [Civil Identity of Modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya* [News of Saratov University. A New Series. Series: Sociology. Political Science], 16(1), 5–8.
- Larionov, A. E., Novichkov, A. V. (2020). Monumental Practices of Perpetuating the Memory of the Great Patriotic war in Crimea. *Dialog so Vremenem* [Dialogue with time], 72, 292–309. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.72.72.019
- Nestik, T. A. (2014). Kollektivnyy obraz budushchego: social'no-psihologicheskie aspekty prognozirovaniya [The Collective Image of The Future: Social Psychological Aspects of Prognostication]. *Voprosy psihologii* [Voprosy Psihologii], 1, 2–10.
- Nestik, T. A., Roldugina V. N. (2018). Obraz budushchego Rossii u predstaviteley pokoleniya Z [The Image of the Future of Russia among the Representatives of Generation Z]. *Chelovek i mir* [Man and the World], 2(2), 75–87.
- Polak F. (1973). *The Image of the Future*. Amsterdam; London: New York.
- Rebrova, I.V. (2010). Svyaz' pokoleniy: Velikaya Otechestvennaya vojna glazami «detej vojny» i ee vospriyatie sovremennoy molodezh'yu [Generational Relations: Great Patriotic War through the Eyes of "Children of War" and its Perception by Modern Youth]. In A. Yu. Rozhkov (Ed.) *Vtoraya mirovaya vojna v detskikh "ramkakh pamyati": sbornik nauchnykh statey* [World War II in Children's "Memory Frames": Collection of Scientific Articles] (pp. 248–264). Krasnodar, Ekoinvest.
- Rikyor, P. (2008). *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Romanova, A., Fyodorova, M. (2020). The Generational Gap and the Historical Memory of the Digital Generation. *ISTORIYA*, 9(95). Retrieved from <https://history.jes.su/s207987840012223-4-1>. DOI: 10.18254/S207987840012223-4
- Ryaguzova, E. V. (2019). Kollektivnaya pamyat' i instancii temporal'nosti [Collective Memory and Instances of Temporality]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya* [News of Saratov University. A new series. Acmeology of Education series. Developmental Psychology], 8(2), 139–145.
- Sulima, E. N. (2017). Grazhdanskaya identichnost' kak resurs gosudarstva [Civil Identity as a Resource of the State]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 3(49), 8–17.

- Taradina, Yu. M. (2010). Vremennye orientacii kak faktor otnosheniya studentov k strategicheskoy politike Rossii [Time Orientations as a Factor of Students' Attitude to the Strategic Policy of Russia]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University], 125, 98–103.
- Ustinkin, S. V., Morozova N. M., Kukonkov P. I. (2020). Pamyat' uchashcheisya molodezhi o Velikoy Otechestvennoy voynе: obshchee i osobennoe [Memory of the Great Patriotic War: General and Special]. In M. K. Gorshkov (Ed.) *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: Vypusk 18* [Russia Reforming: Yearbook. Issue 18] (pp. 299–330). Moskva: Novyy Khronograf.
- Zadorin, I. V. (2018). Regiony "rubezha": territorial'naya identichnost' i vospriyatie "osobosti" [Regions of the "Frontier": Territorial Identity and Perception of "specialness"]. *Politiya*, 2(89), 102–136.

Received 15.08.2021

Accepted 22.09.2021

For citation: Studenikina E. S., Dontsova M. V. Public Memory Policy as A Resource for The Development and Strengthening of The Civic Identity of Modern Youth.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 22. No. 3. Pp. 43-60.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).